

ДВА ПОЖЕЛАНИЯ

В ГОСТЯХ

читательницам газеты от заслуженного артиста РСФСР актера театра «Красный факел» **ГЕОРГИЯ МОДЕСТОВИЧА ЯШУНСКОГО**, запряженных в интервью, где разговор идет о новых ролях

и о любви,

актрисах И. Чуриковой, А. Демидовой, А. Фрейндлих и даже о капризах погоды.

— **Георгий Модестович**, в театре время исчисляется сезонами, премьерами, ролями. Каким был для вас 1975-й?

— Самое близкое — «Старомодная комедия» А. Арбузова. Роль Родиона Николаевича, чья двадцатилетняя верность погибшей во время войны жене — внешнее проявление силы духа, душевной красоты. Таким я пытался сделать этого человека. (Не люблю слово «образ»: пахнет театром).

С профессиональной точки зрения спектакль интересен еще и тем, что ведут его два актера.

В работе у меня сейчас не менее интересная по проблеме и по возможностям ее сценического решения роль князя Валковского («Униженные и оскорбленные» Достоевского).

— Но существует мнение, что Валковский нечто изжившее себя, в определенном смысле раз и навсегда решенное.

— Все дозволено во имя собственной выгоды. — разве это мертвый дезизм?

И столкновение валковских с людьми, живущими, если можно так выразиться, по чистому счету, по совести, иногда ведь еще кончается в пользу первых. Это — суть, а внешне попробую Валковского «очеловечить», отойти от черно-белого решения, сделать «узнаваемым» для современного зрителя.

Еще событие 1975-го (поистине вне «театральных мер»): первая роль в кино (генерала Лепарского), работа с одним из интереснейших кинорежиссеров — В. Мотылем в фильме «Звезда пленительного счастья».

— И что же, Георгий Модестович, своим свежим, но профессионально зорким взглядом увидели вы, побывав у музы кино?

— В театре нас двое: актер и режиссер, и взаимоотношения в общем-то выяснены. В кино есть диктатор, капризнее самой капризной звезды экрана, — натура. По ее милости можно целый день месить мокрыми штиблетами талый снег, вначале с «надкиношной» иронией, а потом почти без чувства, наблюдать, как подгребают снег к съемочной площадке, инсценируя разгар сибирской зимы.

Кроме того, в театре себя настраиваешь даже перед десятками раз играным спектаклем, а на киносъемках, случа-

ется, проходишь «туннельцем» день из-за погоды, не сделав ни одного дубля.

— Георгий Модестович, а если отвлечься от капризов природы и мук изучения французского!..

— ...То «кинопериод» был для меня счастливым. Во-первых, как я уже говорил, работа с В. Мотылем, прекрасными актерами.

Притом снова довелось прикоснуться к жизни этих удивительных женщин — декабристок, их нравственной высоте, подвигу. Нас разделяло время, а тут как-то все пропустил через себя. Вот даже эта — самая меньшая из всех бед, обрушившихся на хрупких красавиц, — навсегда расстаться с Петербургом. Я ленинградец, 26 лет живу в Сибири, а чувство потери, разлуки с этим городом до сих пор свежо.

Человеческому же достоинству декабристок, их светлой жертвенности я буквально поклоняюсь. Женщины, по-моему, должны таким качествам завидовать.

— Сегодня кончается Международный год женщины, и ваши слова можно считать новогодним пожеланием...

— Пожалуй. Раствориться в любви (раствориться, в хорошем смысле, не подавив в себе личность, а будучи ею) — вот истинная женственность. Идеал, если хотите.

— А на сцене кого вы считаете идеальной партнершей?

— Ту, что понимает меня с полуслова (впрочем, это относится и к актерам), человека, податливого на импровизацию. На сцене, как и в любви, должно царить полное понимание и доверие. Ни капли фальши!

И я за «мужское начало» в спектакле: женщина должна быть вedomой. Мягкость, женственность — от силы внутренней, умного сердца или сердечного ума, не знаю, как точнее...

— Тогда кто ваша любимая актриса?

— У меня их три: И. Чурикова, А. Демидова, А. Фрейндлих.

В их игре рациональность, интеллект при тончайшем чувствовании, богатстве эмоций.

Не бездеятельная аморфная мягкость, эмоциональность, а незаурядный ум, духовная стойкость, сердце, способное любить безоглядно.

Опять получилось новогоднее пожелание?

Интервью вел
Т. ШИПИЛОВА.

210